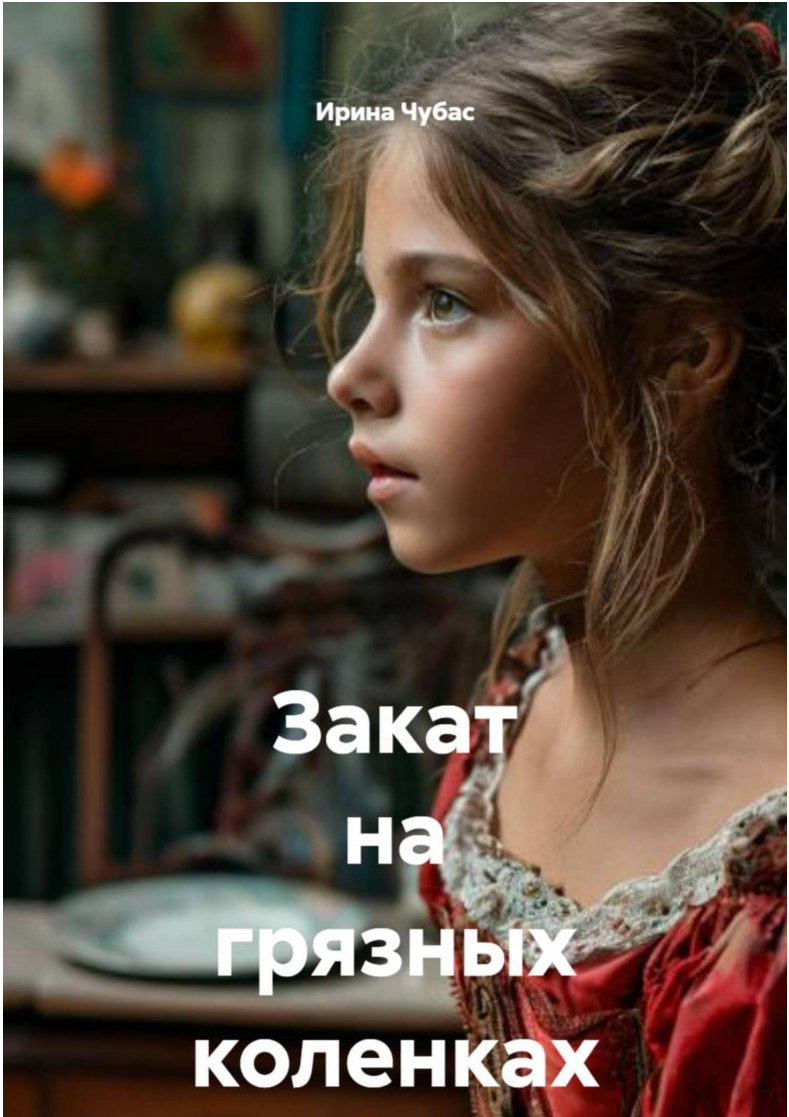

Ирина Чубас
Закат
на
грязных
коленках

Ирина Чубас

Закат на грязных коленках

Серия «Из прошлой жизни», книга 2

https://litres.ru/73992401
SelfPub; 2026

Аннотация

«У тебя нет слуха. Ты никогда не будешь певицей».

Лара услышала это в шесть лет. Но петь не перестала — просто спрятала голос куда-то внутрь, где его не слышали чужие уши.

В пять лет она увидела женщину в красном платье и захотела так же. В двенадцать вышла на школьную сцену в роли горничной, которая вечно роняет блюдце. И уронила его в самую тихую секунду спектакля.

Блюдце не разбилось.

С этого момента Лара поняла: сцена — это не про голос. Это про паузу, в которую помещается целая жизнь. А голос — просто один из инструментов. И даже если он «неправильный», он может заставить зал замереть.

Она мечтала стать звездой. А стала актрисой, на которую ходят. Потому что иногда мечта не исполняется — она сбывается иначе. На грязных коленках. В пустом ДК имени Гагарина. Босиком на старой сцене, где уже никогда не будет спектаклей, но всё ещё висит эхо её детской песни.

Повесть о девочке, у которой не было слуха — но была сцена.

Ирина Чубас
Закат на грязных коленках

Закат на грязных коленках

I

Она впервые увидела настоящую сцену в пять лет — в Доме культуры имени Гагарина, куда бабушка привела её на репетицию местного ансамбля. Половицы пахли мастикой и пылью, кулисы были сшиты из старых бархатных штор, которые когда-то висели в чьей-то богатой квартире. А под самым потолком висела единственная софита с пожелтевшим отражателем. Зеркальный шар не работал, поэтому какая-то девушка вышла на середину зала с фонариком и стала медленно водить им по стенам — и вот тогда из темноты выступила женщина в красном платье.

Свет скользнул по её плечам, по высокому вороту, по длинным рукавам, которые она откинула назад, как крылья.

— Спой, — сказал кто-то из темноты.

Женщина улыбнулась — одними глазами — и запела низко, почти шёпотом, так что первые слова нельзя было разобрать, и только потом голос поднялся, как будто кто-то разворачивал бархатную ленту всё выше и выше. Потолок ДК уходил куда-то вверх, в темноту, и звук не упирался в бетон, а таял, растекался, оседал на лицах людей, которые замерли, даже те, кто пришёл просто посидеть на скамейке и поковы-

рять ногтем облупившуюся краску.

Лара (так звали девочку — Лариса, но для всех Лара) забыла дышать.

Четыре пальца вцепились в бабушкину юбку. Пятый — оттопыренный, так она всегда держалась за что-то важное — остался в воздухе.

Женщина в красном взяла последнюю ноту. Не высокую — нет, ту, что висит на грани тишины, когда кажется, что звук уже кончился, а он ещё жив, ещё дрожит где-то в рёбрах.

— Хочу так, — сказала Лара потом, когда женщина уже ушла за кулисы, занавески ещё шевелились, а старушки в первом ряду складывали стулья. — Хочу так же.

Бабушка вздохнула. Вздох этот был долгим, из тех, что собираются внутри как чугунная плита, а выходят вместе с усталостью за много лет. Бабушка работала на почте, носила тяжёлые сумки с пенсиями, и к вечеру у неё всегда болела поясница.

— Ну, — сказала бабушка. — Пойдём домой. Макароны стынут.

Лара не слышала про макароны. Она смотрела туда, где за бархатом всё ещё висело эхо. Ей казалось, если прислушаться, можно разобрать последние слова той песни, но слов она не знала, только мелодию, которая влезла под кожу и застряла где-то между лопатками.

Бабушка потянула её за руку.

— Пошли, звезда моя нерождённая.

Это слово — «звезда» — тогда ничего не значило. Просто бабушкина ласка, как «зайка» или «солнышко». Но Лара запомнила.

В шесть лет мама записала её в музыкальную школу — потому что Лара пела везде: в ванной, за столом, на остановке, пока ждали автобус. Она пела даже во сне, мать говорила: «Лежишь, губами шевелишь, и то ли слова, то ли просто звуки».

Педагог по вокалу оказалась маленькой сухой женщиной с руками как плети. Звали её Тамара Степановна, и ученики боялись её так, что на уроках мочились в штаны — это не шутка, один мальчик из подготовительной группы так и сделал, после чего Тамара Степановна заставила его самого вытирать пол.

— Резонаторы не там, — сказала она на первом же уроке и ткнула Лару пальцем под рёбра. — Дыши сюда. Нет, не животом. Живот — это не диафрагма. Ты вообще ничего не понимаешь?

Лара стояла у чёрного пианино, смотрела на клавиши, которых было так много, что они сливались в одну лестницу, и чувствовала — живот, рёбра, горло, всё, что ей сказали — как чужое. Она дышала правильно ровно до тех пор, пока Тамара Степановна не сказала «дыши правильно». Сразу же всё сбилось.

— Попробуй ещё раз.

Она попробовала. Звук вышел тонким, дрожащим, похожим на проволоку, которую тянут через силу, но вот-вот она порвётся.

Тамара Степановна закрыла крышку пианино.

— У тебя нет слуха, — сказала она спокойно, как о погоде. — Есть музыкальная память. Ты запоминаешь, как должно звучать, но не слышишь себя. Это не лечится. Ты никогда не будешь певицей. Даже в хоре будешь фальшивить.

Лара смотрела на её сухие пальцы, которые лежали на крышке инструмента. Белые, без колец, с квадратными ногтями.

— Но я люблю петь, — сказала Лара.

— Любить и уметь — разные вещи, — ответила Тамара Степановна и открыла журнал, чтобы поставить двойку. — Иди. Следующий.

Дома Лара залезла под кровать — пыльный, тёмный, пахнущий старыми носками и забытыми игрушками — и просидела там до тех пор, пока мать не позвала ужинать. Под кроватью было маленькое королевство: фантики, которые она копила с пяти лет, одна пластмассовая серёжка, потерянная мамой, и книжка про Золушку без обложки.

За столом никто ничего не спросил.

Отец резал хлеб крупными квадратами — он всегда резал хлеб так, будто рубил дрова, — мать наливала суп, бабушка двигала стаканы. По телевизору показывали чей-то юбилей: женщина в блестящем платье принимала цветы, у неё были

такие же квадратные ногти, как у Тамары Степановны.

— Ну как? — спросила мать, не поднимая глаз.

Лара посмотрела в тарелку. Гороховый суп, в котором плавали кусочки копчёностей, которые она терпеть не могла.

— Нормально, — сказала Лара.

Ложка звякнула о край тарелки.

Отец поднял голову, посмотрел на дочь — на её опущенные плечи, на то, как она водит ложкой по кругу, не начиная есть — и открыл было рот. Но мать так быстро на него глянула, что он закрыл его обратно.

Лара доела суп, выскребла тарелку до дна, убрала за собой. В коридоре она остановилась у зеркала.

«Ты никогда не будешь певицей» звенело эхом в ушах.

Она посмотрела на свои руки. Длинные, гибкие, с почти прозрачной кожей.

«Ну и ладно», — сказала она себе. Но внутри что-то щёлкнуло, как замок, который захлопнули и выбросили ключ.

II

В семь лет она придумала себе танец. Не для выступления, а для того, чтобы, когда никто не видит, подойти к зеркалу в коридоре и сделать одно движение: руки вверх, голову откинуть, ладони раскрыть.

В зеркале отражалась худая девочка с торчащими ключицами, короткими хвостиками и носочком правой ноги, повёрнутым внутрь. Она была некрасивой — она это знала. Слишком длинная шея, слишком бледная кожа, волосы цве-

та пыли. Но если смотреть не на лицо, а на руки — они были красивыми. Длинные пальцы, гибкие запястья, кожа почти прозрачная, как у бабушкиной подруги тёти Зины, которая умерла в прошлом году от рака, и перед смертью у неё стала такая же прозрачная кожа.

— Звезда, — шептала Лара своему отражению. — Ты звезда. Ты можешь всё.

Отец однажды застал её за этим занятием, когда зашёл за зарядкой для телефона. Он остановился на пороге, посмотрел — не зло, не насмешливо, просто очень долго, как смотрят на чужую фотографию, пытаясь узнать человека. Лара замерла с поднятыми руками. В коридоре горела только тусклая лампочка без абажура, и свет падал так, что тень от её рук легла на стену огромными птичьими крыльями.

— Ужин готов, — сказал отец.

И ушёл.

Лара опустила руки. Птичьи крылья на стене исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.